

Ю. В. Москаленко

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ КОРЕЙСКОГО ПОЭТА ЧХОН САНБЁНА

В XX в. рамки литературы предельно расширились: в ее область вторгаются работы, пребывающие на грани литературы и философии, в частности труды экзистенциалистов, заставившие людей задуматься над проблемой человека, его индивидуального существования, смысла жизни. По словам современного исследователя М. С. Розановой, «изменение границ литературы связано прежде всего с внутренней потребностью эпохи, культуры, трансформацией человеческих представлений о самом человеке, о природе власти и общественных отношениях, сущности искусства в недрах философских течений» [1, с. 15].

Немецкий философ-экзистенциалист XX в. О. Ф. Больнов (1903–1991), указывая на причины возникновения экзистенциализма, пишет, что «чудовищные политические потрясения XX в., две мировые войны противопоставили человеку мир как жуткий и опасный. Человек оказался безнадежно заброшенным, отданным всеобъемлющему разрушению, он направляет усилия на то, чтобы справиться с бременем своей судьбы» [2, с. 163.]. Вот что писал о причинах восприятия философии экзистенциализма в Японии А. Л. Луцкий: «Во-первых, некоторые черты экзистенциализма оказались близки буддийско-конфуцианской традиции, монополюльно господствовавшей в Японии на протяжении почти всей ее истории да и по сей день сохраняющей значительное влияние в духовной жизни японского общества. Во-вторых, Япония пошла по пути капитализации, и в ее социальной сфере начали происходить процессы, подобные тем, что породили экзистенциалистские течения на Западе» [3, с. 238]. Это может быть отнесено к причинам органического восприятия концепций философии экзистенциализма и в Республике Корея, вступившей на путь капитализации позже Японии.

Как известно, экзистенциализм, в центре которого стоит отчуждение личности от общества, оказал значительное воздействие на литературу многих стран мира, не стала исключением и корейская литература. Говоря о роли международных связей в процессе развития литератур в разных странах, Н. И. Конрад отмечает: «В возникновении <...> однородных литературных явлений у разных народов литературные связи могут играть определенную роль, но наличие связей для возникновения таких явлений вовсе не обязательно. Решающее условие возникновения однотипных литератур — вступление народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется» [4, с. 318]. Обращение корейских писателей к западной литературе, философии, в частности к экзистенциализму, не было случайным явлением, оно было обусловлено закономерностями исторического развития Кореи и мира, отразившимися в тенденциях литературного процесса. Экзистенциализм, первоначально пришедший в корейскую литературу из Японии, а затем непосредственно с Запада, нашел здесь необходимые общественные предпосылки и потребности.

Появление чувства одиночества и безысходного бессилия человека перед лицом вечности в среде корейской интеллигенции было весьма закономерным в результате исторических катаклизмов в Республике Корея во второй половине XX в. (война 1950–1953 гг., политические убийства, экономический спад и рост безработицы, разгул преступности и т. д.), которые привели к выводу о бессмысленности традиционных взглядов на историческое развитие. «Изменение традиционного образа жизни и идеологии современного южнокорейского общества, — указывает И. А. Толстокулаков, — вызвано глубокой социально-экономической модернизацией и политическими преобразованиями, катализатором которых является сильное западное, преимущественно американское, влияние. Социология и философия Южной Кореи обогатились основными течениями европейской научной мысли, здесь в той или иной мере представлены прагматизм и позитивизм, экзистенциализм и постмодернизм, другие философские и идеологические школы» [5, с. 222]. Определенные круги корейской интеллигенции, озабоченные проблемами культуры, путями ее развития в технократический век, обрели опору в экзистенциалистской философии, которая постаралась объяснить причины неустойчивости человеческой жизни, неустойчивого положения «простого человека» в обществе, выявила протест против массовой гибели людей в войнах, нивелирования личности, невнимательности к ее страданиям. Несмотря на то что в экзистенциализме, как и других направлениях философии, проявляется национальная специфика, он имеет общий исходный принцип: в ее центре одинокий человек с крайним индивидуализмом и раздвоенным сознанием.

Творческое наследие Чхон Санбёна является одной из важных составляющих современной корейской литературы как единого процесса. В атмосфере 50–60-х гг. XX в., на которые пришлось годы становления писателя, Чхон Санбён активно ищет собственный путь. Его творчество вбирает в себя взаимодействие с различными западными явлениями и тенденциями. М. В. Солдатова писала: «В то время как Корея вошла в мировую капиталистическую систему, корейская литература вступила на путь “ускоренного развития” (термин Г. Д. Гачева). <...> В начале XX века налицо было смешение заимствованных с Запада направлений, применительно к которому российские исследователи употребляют термин “эkleктизм”, а корейские — просто “беспорядок” (“холлан”), но освоение новых приемов не было бездумным и принесло немалую пользу...» [6, с. 38–39].

50-е гг. XX в. для многих литераторов Республики Корея стали порой творческого поиска. Корейские поэты и писатели послевоенного времени, участвовавшие в гражданской войне (1950–1953), оказавшись перед лицом смерти, глубоко погрузились в философское учение экзистенциализма. По словам современного корейского исследователя профессора университета Кунсандэ Нам Гихёка, «во второй половине 50-х гг. XX в. многие корейские литераторы, преодолев в своем творчестве романтическую направленность, обратились к концепциям философии экзистенциализма» [7, с. 180]. Такие понятия этой философии, как абсурдность, отчужденность и свобода, привлекали корейских литераторов, потрясенных войной и не находивших возможности существовать в состоянии отчаяния: «Философия и литература французского экзистенциализма, словно своеобразная мода, охватила духовный мир литературной молодежи Кореи» [7, с. 175]. Идеи экзистенциализма заставили корейских писателей уделить особое внимание художественному исследованию трагического мироощущения личности в обществе отчуждения и самоизоляции индивида. В их произведениях обсуждаются проблемы взаимодействия личности и социального целого, человека и смысла его жизни,

его место и роль в мире, в них раскрываются духовная опустошенность, одиночество, отсутствие положительных идеалов, они отмечены мотивами смерти и безысходности.

Чхон Санбён, как и его современники, вынужденные искать жизненный путь в сложные годы войны в Республике Корея, обнаружил в этой философской концепции нечто сродни собственному духу: неустойчивость, неустроенность человеческой жизни, присущие человеку чувство страха и отчаяния. В это время в его творчестве появляются произведения, характеризующиеся раздумьями о сущности человеческого бытия. По словам Л. Е. Бежина, «напряженные размышления о начале и конце человеческого существования, о жизни и смерти отражают определенное изменение во взглядах на личность, процесс выработки нового статуса человеческого “я”» [8, с. 90].

Погружение Чхон Санбёна в экзистенциалистскую философию выразилось в поэтизации трагической сущности бытия. Стихотворчество поэта конца 1950-х — начала 1970-х гг. посвящено анализу экзистенциалистских переживаний индивида. Его пейзажная лирика, в которой он сумел передать многообразие и богатство форм жизни, наполнена философскими размышлениями и тесно связана с вопросами человеческого бытия. В поэзии Чхон Санбён затрагивал жизненные проблемы и раскрывал душевное состояние человека, пытающегося противостоять абсурдной действительности в период общественного кризиса.

Источником новой «экзистенциалистской» поэтики Чхон Санбёна становится сознание разобщенности людей, чувство отчуждения, которые стали столь характерными для Кореи во второй половине XX в. (особенно после войны 1950–1953 гг.). Как известно, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в корейском обществе появилась проблема отчуждения и психологического дискомфорта личности, в результате чего писатели обращаются к описанию многочисленных трудностей и индивидуальных проблем рядовых граждан Республики Корея, вызванных переходом страны из разряда аграрных в индустриально развитые.

Трагическая сущность бытия, обнаруженная в стихотворениях поэта, ярче всего представлена при помощи различных природных явлений. Современный корейский литературовед Пак Сундык в исследовании, посвященном изучению трагического мироощущения (*хомуыйсик*) Чхон Санбёна, высказывает мнение, что такие поэтические образы, как «птица», «река», «море», «тростник», «небо» и др., образуют центр стихотворчества поэта [9, с. 26]. Именно эти темные и регрессивные образы, приобретшие в его лирике глубокое философское звучание, помогли ему отразить феномен разрыва субъективного мнения и объективной реальности. Через образ «воды» в его творчестве появляются размышления о границах человеческого бытия. Связывая жизнь с образом «бегущей реки», поэт осознает мимолетность человеческой жизни, а образ «птицы» помогает ему постичь смысл жизни, заключающийся в неизбежности смерти. Его поэтическое сознание противостоит враждебным, антагонистическим отношениям — мира и собственного «Я», субъекта и объекта. Картина и условия таких отношений проявляются в чувстве отдаления бытия — в отчуждении, т. е. в экзистенциальном одиночестве и изоляции. В связи с этим исследователь Пак Сундык в работе «Изучение поэзии Чхон Санбёна» подчеркивает: «Экзистенциальное одиночество, появившееся в результате отчуждения бытия от мира, и является для Чхон Санбёна тем фундаментом, что сформировал поэтическую картину его мира, его мышление» [9, с. 3].

Чхон Санбён официально был принят в литературные круги в 1952 г., когда созданное им лирическое произведение «Речная вода» («Канмуль») с четко выраженным

трагическим мироощущением было опубликовано в столичном журнале «Литература и искусство» («Муне», 1949 г.) благодаря поддержке учителя Ким Чхунсу (1922–2004), принявшего участие в его литературной судьбе. Литературовед Ким Чхунсу, прочитав стихотворения Чхон Санбёна, отнес их одному из самых известных и авторитетных поэтов того времени Ю Чхихвану (1908–1967), который высоко оценил первые литературные опыты Чхон Санбёна и поддержал начинания молодого поэта. Он написал рецензию и порекомендовал опубликовать их, дав толчок развитию поэтической карьеры юного дарования. Позже Чхон Санбён напишет в дневниковых записях: «...в 1952 г. я был официально признан поэтом и стал получать жалование» [10, с. 27].

Причина, почему речные воды тянутся к морям,
Вовсе не в том, что я
Весь день рыдаю
На холме высококом.

Вовсе не потому, что я
В течение ночи
В тоске цвету, словно подсолнух,
На холме высококом.

Причина, почему рыдаю, словно зверь,
Я на холме высококом,
Вовсе не в том, что все
Речные воды тянутся к морям [11, с. 40].

Позже Чхон Санбён рассказал об обстоятельствах рождения этого стихотворения: «Однажды во время праздника урожая (“чхусок”), поднявшись на гору, расположенную за деревней, я вглядывался в морскую даль и пребывал в глубоком раздумье, как вдруг откуда-то донесся плач. Я устремил туда свой взор и увидел несколько могил, а рядом скорбящих людей. В стихотворении “Речная вода” я передал чувства, нахлынувшие на меня в тот момент, когда я, наблюдая за этими людьми, размышлял о смерти и о могиле. Тогда я поймал себя на мысли о неизбежности смерти» [12, с. 38].

В этом стихотворении, непритязательном на первый взгляд, озвучены глубокие философские идеи. Его своеобразная композиционная рамка — философские раздумья самого автора о смысле бытия. Серьезный вопрос: «Почему речные воды тянутся к морям?» — становится темой стихотворения. Чхон Санбён обращается к образам классической корейской поэзии. Поэт прежде всего заимствует настроения печали и грусти, которое сосредоточено в названии стихотворения (речная вода — течение жизни), и далее аллегорически повествует о драматизме человеческого существования, трагической сущности бытия, краткости жизни и неизбежности ее конца.

М. И. Никитина писала: «“Цветок” в корейской культуре с древних времен ассоциируется с жизнью человека. Расцвет и увядание цветов соотносятся с началом и концом жизни человека. “Гора” в корейской культуре связана с представлением о неизменном, вечном. Таким образом, цветок на фоне горы — жизнь как частное бытие в ее отношении к бытию вечному» [13, с. 33–34]. Чхон Санбён также вводит в стихотворение «Речная вода» образы «цветка» и «горы», но наделяет их новым трагическим смыслом. Он использует в произведении образ прекрасного дара природы — подсолнуха. Подсолнечник, или, иначе говоря, подсолнух, — растение, цветущее в июле-августе, символ плодо-

родия, единства, солнечного цвета и процветания, а также символ мира. Его название, произошедшее от сочетания двух греческих слов («helios» — солнце и «anthos» — цветок), дано ему не случайно, поскольку огромные соцветия подсолнуха, окаймленные яркими лучистыми лепестками, действительно напоминают солнце. К тому же это растение, как известно, обладает уникальной способностью поворачивать свою головку вслед за солнцем, проследивая весь его путь от восхода до заката. Если в классической корейской поэзии образ «цветка» был соотнесен со временем года и образовывал картину идеального состояния природы в пору ее цветения, то в данном случае автор указывает определенное время суток — «в течение ночи» (*намсэ*) — промежуток времени, когда на небе нет солнца, тем самым акцентируя внимание на трагичности бытия, соответствующей действительности: «В течение ночи / В тоске цвету, словно подсолнух / На холме высоком». Таким образом, поэт заимствует традиционные образы, но они трансформируются в его творчестве, наделяются трагическим звучанием.

Трагическое мироощущение, представленное в стихотворении «Речная вода», подается как отвлеченное, абстрактное представление, но в то же время оно имеет эмпирическую подоплеку, поскольку детство и юность Чхон Санбёна прошли в период жесткого правления японских властей в Корее, когда колониальный народ испытывал огромное давление со стороны Японии. По словам Чхон Санбёна, «наша жизнь как река — непостоянна и изменчива, она неустанно движется к смерти, ведь в конечном счете и река сливается воедино с морем» [12, с. 34]. Данное высказывание поэта, заставившего перед трагичностью человеческого бытия, полностью отражает лейтмотив стихотворения, которое звучит как сожаление о быстротечности жизни. Чхон Санбён переживает глубокое мучение от приобщения к трагическому, уже тогда начинающий поэт пребывал в одиночестве, и это безнадежное, отчаянное чувство появилось из-за осознания того, что ничто не властно перед смертью.

В анализируемом стихотворении Чхон Санбён использует композиционную градацию, эмоциональное нагнетание, непременным условием которой является усиление лирического напряжения. Обычно градация связана с повторением той или иной части речи, так в стихах Чхон Санбёна в порядке возрастания эмоционально-смысловой значимости расположены существительные. Использование повторов (строки 2, 5 и 11) говорит о литературном мастерстве Чхон Санбёна как поэта. Создавая композицию стихотворения, он добивается индивидуальной эмоциональной выразительности каждой строфы.

Ключевое слово для символического зачина первой строфы — «причина» — выделяется при помощи отрицательной связки *анида* («это не...»), которая является основной при ответах на вопросы во всех трех строфах, чем придает еще большую серьезность смыслу предложений, и обладает особым характером, не имеющим простого ответа. Негация, проходя через все стихотворение, становится композиционным принципом. Применение отрицательной связки в данном произведении подчеркивает реальную усталость лирического героя, который говорит о невозможности получения ясного, точного ответа на все эти вопросы в жизни человека.

Как известно, проблема смерти-бессмертия всегда была острой в корейской культуре: человек постоянно осознавал временность своего существования на земле [14, с. 401]. Так, Чхон Санбён, увидев случай, связанный со смертью, развивает в стихотворении проблему жизни и смерти, демонстрирует облик человеческой жизни, сравнимой с речным потоком. Именно такие поэтические образы, как «речная вода» и «море», помогают лучше понять лирического героя, который, связывая жизнь с потоком реки, осознает

сущность бытия. «Море» здесь обозначает смерть, которая настигнет каждого человека. Чхон Санбён в дневниках писал: «"Речной поток" — неотвратимое движение, которое, согласно природному порядку, течет дальше, и человек, как бы ни сопротивлялся, все равно не сможет воспрепятствовать этому потоку» [12, с. 35].

Таким образом, стихотворение «Речная вода» отличается высокой техникой стиховой организации и позволяет увидеть возникновение во второй половине XX в. индивидуальной авторской лирики, вырастающей из двух начал — стихии традиционного лиризма и влияния современной литературы и философии Запада.

В результате глубокого погружения Чхон Санбёна в экзистенциалистскую философию в его стихотворчестве идейным стержнем становятся темы одиночества и бессилия человека перед лицом вечности, которые проходят через весь первый сборник поэта «Птица» («Сэ», 1971). Как отмечает К. А. Пак, «писателей, начало литературной деятельности которых пришлось на 50–60-е годы, отличал особый взгляд на происходящее. Война, разделение страны, вызванный ими хаос и разруха привели к обостренной чувствительности "поколения хангыль" ("хангыль седэ") — первого поколения, получившего образование на родном языке. Для них катаклизмы середины XX в. — лишь фон, благодаря которому четче обрисовываются черты личности. Важнее реальности оказывается только человеческая реакция, которую она вызывает. Писатели обращаются к личной жизни, внутренним ощущениям человека» [15, с. 203–204].

Сборник «Птица», включавший 60 стихотворений, вызвал огромный интерес у читателей и исследователей литературы, поскольку в нем представлены не только произведения, объединенные поэтическим образом «птицы», многократно используемом Чхон Санбёном в творчестве, но и самые первые стихотворения поэта. Прежде всего обращает на себя внимание название сборника, ведь, как писал А. А. Долин, «выбор животных в известном смысле отражает черты характера и психологические установки самого автора» [16, с. 219]. По этому поводу исследователь Квон Ёнмин в энциклопедии современной корейской литературы отмечает следующее: «... "птица" — это своеобразная душа поэта. "Птица" — часть жизни, души, воспевающей жизнь и смерть после "моей кончины". "Птица" — символ сознания поэта, переступившего границу жизни и смерти и находящегося за пределами данной действительности. <...> В стихотворениях сборника "Птица" нет обыденной жизненной суеты» [17, с. 947].

Известно, что в традиционной корейской литературе с помощью образов птиц передается мысль о вечности бытия, о смерти и бессмертии [18, с. 199]. В корейской классической литературе птицы не рассматривались как единый комплекс, поскольку тематически они достаточно разнородны, поэтому каждой птице отведен особый раздел. Однако в современном поэтическом творчестве молодые поэты, наполнив этот образ другим значением, внесли в корейскую литературу свежие веяния и дали новый импульс литературно-поэтической мысли. У современного поэта Ким Гвансопа (1905–1977) в сборнике «Голубь Сонбукдона» («Сонбуктон пидульги», 1969) «образ птицы, изгнанной из мира природы, разрушаемой день за днем в процессе развития материальной цивилизации и не принятой новым поколением жителей современного города, символизировал душевные переживания и смятение человека в эпоху ускоренной модернизации и перестройки корейского общества» [19, с. 7].

В творчестве Чхон Санбёна «птица» не имеет определенного вида и наделена иным, нетрадиционным, смыслом: птица, воспарив в небо, пробивается сквозь гнет и притеснение в действительности и исцеляет сломленное «Я» самого поэта. «Птица» как

центральный поэтический образ всесторонне отобразила грани души Чхон Санбёна, ярко представила его поэтическое «Я», сформировав тем самым стержень поэтического мышления писателя. В его поэзии слово-образ «птица» — экзистенциальное одиночество, противостоящее абсурдному миру, — не только символизирует самосознание, жаждущее освобождения, но и представляет состояние человека, являющегося «посторонним» в этом мире. В поэтических произведениях он обнаруживается как осознание абсурдной реальности и предельной, пограничной, ситуации. Этот образ наделен автором многообразием значений. С одной стороны, в нем проявляются нигилистические воззрения поэта. С другой — благодаря этому образу Чхон Санбён освобождается от абсурдных ограничений и давления действительности. «Птица» как некий способ «самозамещения» поэта имеет и положительную характеристику — она устремлена к абсолютной чистоте и свободе в пространстве бесконечности.

Мироощущение Чхон Санбёна отчетливо проявилось в стихотворении «Птица 5» («Сэ 5»), где автор представил метафизический образ птицы, устремившейся к абсолюту, с трудом поддерживающей равновесие между жизнью и смертью. Птица в данном случае символизирует бытие, сохраняющее собственное равновесие на перекрестке двух миров: земного и загробного.

Только бы увидеть там впереди
Тот абсолютный покой,
Запечатленный на кончике ветки, протянувшейся до самых небес,
Прежде чем перестанут видеть глаза.

Что значит видеть?
Что представляет собой этот мост,
Соединяющий безгранично тонкую грань берегов —
Того, что есть и чего нет?

Не то ли,
Что на разрушенных часах незаметно крыло расправляет
И, греясь под лучами солнца алого цвета,
Внезапно исчезает, как пришло?

Дует ветер беззвучно.
Птица с трудом удерживает
Полное равновесие
Этих и тех небес [11, с. 42].

В данном произведении «птица» пытается сохранить равновесие «этих и тех небес», иначе говоря, этого и того миров, вследствие чего она не шевелится, сидит в абсолютной неподвижности. Место, где сидит птица, — это протянувшийся до неба кончик ветки, его фоном является край осеннего неба. Традиционно в корейской литературе осень связана главным образом с представлениями о печальных обстоятельствах в жизни конкретного человека. Птица рискованно сидит на опасном месте — кончике ветки, что символизирует конец мирского существования, за ним («кончиком ветки») — загробный мир, мир смерти. Здесь представлено потрясенное сознание поэта, чья душа в состоянии тревоги с трудом ловит равновесие на перепутье жизни и смерти.

В этом стихотворении взгляд поэтического собственного «Я», останавливаясь на фразах «того, что есть и чего нет» (вторая строфа), «внезапно исчезает, как пришло»

(третья строфа) и «этих и тех небес» (четвертая строфа), демонстрирует пространство внутреннего конфликта, говорит о невозможности спокойной жизни героя. Благодаря этому взору, который возможен только в результате старания видеть главное, суть, поэт осознает границы человеческого восприятия.

«Прежде чем перестанут видеть глаза», «что значит видеть», «разрушенные часы» — это результат самокритичного познания лирическим героем бытия. Поэт вместе с птицей, поднявшись в безграничное пространство, сомневается и с трудом поддерживает баланс между этим и тем миром. Здесь в так называемой критической точке баланса, поддерживаемого «птицей», просматривается перекресток двух миров. По словам корейского исследователя Ли Ючжина, это произведение демонстрирует «фундаментальный анализ жизненных проблем, в котором автор выражает недоверие, скепсис по отношению к всеобщему человеческому существованию» [20, с. 23].

Итак, корейская литература второй половины XX столетия отмечена распространением экзистенциализма, чьи идеи в эпоху общественно-политических катаклизмов нашли отклик в том числе и в литературной деятельности Чхон Санбёна, творчество которого многообразно, насыщено и актуально. Чхон Санбён стал прямым свидетелем крушения традиционных устоев жизни в Корее, утраты идеалов, что привело молодого поэта, как и многих его современников, к отчаянию, настроению безысходности, отчуждению. Уже в 1950-е гг. складывается круг тем, вопросов, образов, характерных для всей лирической системы поэта. Поэтическое творчество Чхон Санбёна конца 1950-х — начала 1970-х гг. как поиск выхода из духовного кризиса демонстрирует бегство лирического героя от общества, погружение в эмоциональную сферу. В это время поэт, обращаясь к историческим реалиям жизни, затрагивает в стихотворчестве проблемы современности и вечные вопросы бытия. Чхон Санбён — мыслящий поэт, поэт-философ. Он не предложил оригинальной философской концепции, но его поэтические произведения стали одними из самых значительных образцов собственного поэтического философствования. Трагизм существования и его преодоление, сила и слабость, жизнь «на краю бездны» — эти ощущения противоречивости бытия стали главным завоеванием Чхон Санбёна как автора. Его творчество в своеобразной форме выражало протест против репрессивного влияния общества на личность человека, касалось проблем уникальности человеческого существования, смысла жизни и индивидуальной свободы. Можно сказать, что экзистенциалистский индивидуализм Чхон Санбёна был во многом формой протеста против подавления индивида безличными силами общества.

Литература

1. *Розанова М. С.* Современная философия и литература. Творчество Бертрана Рассела / под ред. Б. Г. Соколова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
2. *Большов О. Ф.* Философия экзистенциализма. Философия существования / пер. С. Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999.
3. *Луцкий А. Л.* К проблеме экзистенциализма в японской художественной литературе // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1986.
4. *Конрад Н. И.* Запад и Восток: Статьи. М., 1972.
5. *Толстокулаков И. А.* История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток, 2007.
6. *Солдатова М. В.* Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX века. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.

7. *Нам Гихёк*. Хангук чонху сиый хёнсонгва чонгэ: 1950 нёндэый хангук симунхакса. Хангук хёндэ симунхакса. (Становление развития корейской поэзии в послевоенный период 1950 гг.) // История современной корейской поэзии. Сеул. 2005. С. 171–212.
8. *Безин Л. Е.* Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III–VI веков. М., 1982.
9. *Пак Сундык*. Чхон Санбён си ёнгу (Изучение поэзии Чхон Санбёна). Сеул. 2006.
10. *Чхон Санбён*. Чонджип — санмун. (Полное собрание сочинений Чхон Санбёна. Проза). Сеул: Пхёнминса, 2002.
11. *Чхон Санбён*. Сэ. («Птица»). Сеул: Чогванчхульпханса, 1971.
12. *Чхон Санбён*. Квэнчхантха квэнчхантха та квэнчхантха. («Хорошо, хорошо, все хорошо») // Чхон Санбён. Супхильчип (Сборник очерков). Сеул: Тапге, 2001.
13. *Никитина М. И.* К вопросу о роли зрительного знака // Народы Азии и Африки. 1973. № 5. С. 122–132.
14. *Никитина М. И.* Поэтическое слово в корейской культуре // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 387–403.
15. *Солдатова М. В., Пак К. А.* Современная литература Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003.
16. *Долин А. А.* Новая японская поэзия. М.: Наука, 1990.
17. *Квон Ёнмин*. Хангук хёндэ мунхак тэсачжон. Соуль тэхаккё чхульпханбу. (Энциклопедия современной корейской литературы). Сеул: Изд-во Сеульского ун-та, 2003.
18. *Никитина М. И.* Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
19. *Писарева Л., Ким Хён Тхэк*. Современная корейская поэзия. Вторая половина XX века. М., 2004.
20. *Ли Ючжин*. Чхон Санбён си ёнгу (Исследование поэзии Чхон Санбёна). Сеул, 2001.

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.